

Казанцев Андрей Анатольевич

4852759

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)**

Специальность 23.00.04

Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития
(политические науки).

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

8 СЕН 2011

Москва
2011

Работа выполнена на кафедре политической теории Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России.

Научный консультант: доктор исторических наук
Сергеев Виктор Михайлович

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор
Рудов Георгий Алексеевич,
доктор исторических наук, профессор
Звягельская Ирина Доновна,
доктор политических наук
Петровский Владимир Евгеньевич

Ведущая организация: **Российский Государственный Гуманитарный Университет (РГГУ)**

Защита состоится «23» 09 201г. в 15.00 на заседании Диссертационного совета Д 209.002.02 по политическим наукам Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России по адресу: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. И.Г. Тюлина МГИМО (У) МИД России.

С авторефератом можно ознакомиться на официальном сайте МГИМО (У) МИД России (URL: http://www.mgimo.ru/science/dissert_cons/819/index.phtml).

Автореферат разослан «27» 09 201г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

кандидат политических наук
И.Н. ТИМОФЕЕВ

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В диссертационной работе решается актуальная теоретико-практическая научная задача анализа взаимодействия специфической международно-региональной структуры Центральной Азии с политиками ключевых акторов системы международных отношений. Это позволяет наметить более эффективные способы реализации интересов России в рассматриваемом регионе.

Актуальность темы. Центральная Азия – международный регион, который образовался совсем недавно (после 1991 г.), и до сих пор находится в состоянии становления. Он включает в себя пять постсоветских государств: Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. В настоящее время он является объектом пристального внимания всех ключевых акторов мировой политики по двум причинам. Во-первых, как объект конкуренции крупных внерегиональных сил и поддерживаемых ими интеграционных и транспортных проектов, борьбы за углеводородные ресурсы. Во-вторых, как место возникновения серьезных глобальных проблем (возможность появления "несостоявшихся государств", терроризм и т.д.).

Объектом исследования является взаимосвязь глобальных и международно-региональных политических процессов в Центральной Азии и их влияние на региональные политики ключевых глобальных игроков, прежде всего, государств (России, США, Китая и т.д.).

Постановка исследовательской проблемы. В работе исследуется влияние структурных факторов, возникающих в результате взаимосвязи региональных и глобальных политических процессов, на центральноазиатские политики ключевых международных акторов, включая Россию.

Исследование описанной выше проблемной области нацелено на создание нового междисциплинарного направления, изучающего взаимосвязь региональных и глобальных политических процессов в Центральной Азии (данное направление полностью укладывается в логику политологической специальности "Политические проблемы международных отношений,

глобального и регионального развития"). В рамках данного направления большее внимание уделяется анализу политических процессов, возникающих в результате взаимодействия региональной культурно-цивилизационной специфики и процессов глобализации. За счет анализа подобного взаимодействия предполагается преодолеть разрыв между пониманием ситуации, характерным для практических экспертов, и редукционистскими объяснительными моделями (в частности, излишне упрощенной моделью новой "Большой игры"¹). Данная постановка вопроса полностью соответствует отечественной политологической традиции, где с 1990-х гг. проблематика несоответствия глобальных объяснительных теорий тому, что происходит на постсоветском пространстве, стала одной из важнейших. Это относится и к международно-региональной специфике различных частей постсоветского пространства.

Исследовательская гипотеза. Внутренне противоречивая (неопределенная) международно-региональная структура вызывает серьезную нестабильность в Центральной Азии и, поэтому, негативно сказывается на политиках всех вовлеченных в регион ключевых глобальных игроков.

Сформулированная выше гипотеза позволяет достичь ключевой цели исследования – проанализировать влияние противоречий в региональной международно-политической структуре в Центральной Азии на политики ключевых глобальных игроков (прежде всего, России). Реализация этой цели имеет, в числе прочих, практический аспект – возможность наметить более эффективные способы реализации интересов России в этом регионе.

Задачи исследования. Достижение описанной выше цели требует решения семи взаимосвязанных задач:

1. Требуется исследовать специфические структуры, определяющие взаимодействие глобальных и региональных факторов в постсоветской

---

¹ Ahrari M.E. The new great game in Muslim Central Asia. – Washington: Inst. for Nat. Strategic Studies: Nat. Defense Univ., 1996. – 91 p.; Hill F. Pipeline politics, russo-turkish competition and geopolitics in the eastern Mediterranean // Security and cooperation in the eastern Mediterranean / ed.: A. Theophanous, V. Coufoudakis. – Nicosia, 1997. – P. 200.

Центральной Азии. Они должны быть проанализированы в сравнительном контексте, в сопоставлении с другими международными регионами.

2. Учитывая культурно-цивилизационную специфику региона, данные структуры должны быть изучены как на уровне символическо-идентификационном, так и на уровне институциональном. В рамках анализа взаимодействия региональных и глобальных факторов на символическо-идентификационном уровне основное внимание должно быть обращено на специфические историко-культурные особенности региона и использование его богатой и противоречивой истории как способа обоснования многовекторных политик. В контексте исследования институциональных структур следует изучить два фактора: во-первых, неопатримониальные системы как источник многовекторных внешних политик, во-вторых, участие центральноазиатских стран в противоречащих друг другу интеграционных проектах, выдвинутых ключевыми глобальными акторами.

3. Необходимо исследовать вопрос о взаимовлиянии символическо-идентификационных и институциональных структур в регионе. При этом ключевым вопросом становится то, как сложная история региона во многих аспектах предопределила современные многовекторные политики, характеризующиеся высокой неопределенностью в плане выбора партнеров и принятия обязательств.

4. Следует изучить влияние этих структур на политические процессы в регионе. В этом плане актуальным становится применение моделирования последствий противоречий и высокой неопределенности в региональной структуре, развитого в современных структурных теориях международных отношений (например, в рамках теории "неработающего рынка", market failure).

5. Теоретическую модель "неработающего рынка" на основе метода "исследования процесса" (process tracing) следует сопоставить с реальными политиками ключевых глобальных игроков в регионе. При этом необходимо исследовать, как формулируются интересы и стратегии главных международных акторов в регионе, каковы формы противостояния или

коалиционных взаимодействий между ними, как соответствующие процессы соотносятся с «Большой игрой» XIX в.

6. Важнейшим в плане практической экспертной значимости работы является изучение того, насколько оптимизируемы стратегии ключевых глобальных акторов в центральноазиатском регионе, что предполагает исследование эффективности их политик, сопоставление планов, используемых ресурсов и результатов.

7. Последнее, в соответствии с принципом связи теории и практики, позволяет сформулировать рекомендации, направленные на более эффективную адаптацию внешней политики России к условиям региона.

Решение указанных выше задач привело к тому, что **на защиту выносятся следующие семь выводов.**

1. Центральная Азия характеризуется тенденцией к одновременному формированию множества различных региональных порядков с неопределенными сферами влияния и применения. Каждый из таких порядков поддерживается ключевыми глобальными акторами. Поэтому в регионе в полной мере проявляются современные глобальные противоречия.

2. С точки зрения субъективного измерения региональной структуры Центральная Азия на протяжении всей истории подвергалась достаточно равномерному влиянию всех великих цивилизаций Евразии (исламской, китайской, восточно- и западноевропейской). В результате регион в настоящее время превратился в объект столкновения разных "историко-геополитических проектов", поддерживаемых ключевыми акторами мировой политики. С точки зрения объективного измерения региональной структуры ситуация большой региональной неопределенности сложилась в результате взаимодействия «многовекторных» внешних политик с членством в большом количестве международных региональных организаций с противоречащими векторами интересов.

3. Субъективное и объективное измерение региональной структуры взаимодействуют между собой. Существует причинно-следственная связь

между противоречивой идентификационной структурой региона и современными многовекторными политиками центральноазиатских государств.

4. Сложившаяся в Центральной Азии комплексная структура ведет к целому ряду негативных политических процессов: высокой нестабильности, непредсказуемости ситуации, росту конфликтности политик, отсутствию эффективного взаимодействия между акторами, неэффективности интеграционных проектов и сложностям в реализации интересов вовлеченных в регион ключевых глобальных акторов.

5. Крах внутрирегиональных интеграционных процессов привел к тому, что структура регионального порядка начинает конструироваться извне. Внешние силы одновременно борются за идентичность региона и за присоединение его к интеграционным проектам той или иной части Евразии (постсоветское пространство, исламский мир, Европа, АТР). Частью этой борьбы является их политика в области развития транспортных и энерготранспортных маршрутов. От «Большой игры» XIX в. ситуация отличается значительно большим количеством внешних игроков и неустойчивых коалиций между ними.

6. Проведенное исследование приводит к классификации акторов по типу преимущественно используемых ресурсов: военно-политических, экономических и символическо-идентификационных. К первой группе можно отнести Россию и США, ко второй – Китай и ЕС, к третьей – страны исламской исторической традиции (Иран и Турцию). Анализ привел к выводу, что наиболее эффективной оказалась политика стран, использовавших, преимущественно, экономические инструменты.

7. Оптимальной политикой России будет использование опыта группы стран, применявших в рамках комплексных стратегий преимущественно экономические инструменты (прежде всего, Китая, в меньшей степени, ЕС).

Теоретические основания исследования. Данная работа построена на принципах так называемой "социологической группы" теорий международных

отношений (в частности, конструктивизма²). В настоящее время в мировой научной практике изучения международных отношений, особенно за пределами западного мира, вышеприведенный подход является одним из наиболее распространенных. Эта группа теорий, основанная на классической традиции социальных наук (М. Вебер, Т. Парсонс), предполагает постоянное отслеживание прямых и обратных связей между объективными и субъективными (психологическими, культурно-цивилизационными) измерениями международно-политической реальности. Данный подход особенно хорошо подходит для изучения тех частей мира, где существует серьезное культурно-цивилизационное своеобразие. Он противопоставляется ряду "нормативных" подходов (неореализм, неолиберализм), основанных на историческом опыте стран Запада.

Эффективность "социологической группы" теорий международных отношений за пределами современного западного мира особенно подчеркивается в варианте конструктивизма, который называется "конструктивистским прагматизмом"³. Поэтому мы ориентируемся на этот вариант конструктивизма, нацеленный на органический синтез теории и практики. Данный вариант конструктивизма особенно близок к традиции когнитивных исследований международных отношений, развиваемой в МГИМО школой директора Центра глобальных проблем В.М. Сергеева⁴.

---

² Wendt A. Social theory of international politics. – Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 1999. – 429 p.; Kratochwil F.V. Rules, norms, and decisions: on the conditions of practical and legal reasoning in international relations and domestic affairs. – Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 1989. – 317 p.

³ Kratochwil F., Ruggie J. The state of the art, or the art of the state // Intern. Organization. – 1986. – Vol. 40. – P. 753–776; Kratochwil F. Theory and political practice: reflections on theory-building in international relations // Principled world politics: the challenge of normative international relations / ed.: P. Wapner, L.E.J. Ruiz. – Lanham, 2000. – P. 50–64; Kratochwil F. Of false promises and safe bets: a plea for a pragmatic perspective in theory building // J. of Intern. Relations and Development. – 2007. – Vol. 10. – P. 1–15; Owen D. Re-orienting international relations: on pragmatism, pluralism and practical reasoning // Millennium. – 2002. – Vol. 31, № 3. – P. 653–673.

⁴ Сергеев В.М., Цымбурский В.Л. Когнитивные механизмы принятия решений: модель и приложения в политологии и истории // Компьютеры и познание: очерки по когнитологии: сб. науч. тр. / ред.-сост.: Б.М. Величковский, А.И. Зеличенко. – М., 1990. – С. 105–124; См.

Для того, чтобы объяснить причины отклонения от основанной на западном опыте "нормативной рациональности" (предписываемой нормативными теориями международных отношений), наблюдающегося в конкретных условиях Центральной Азии, используется теория "неработающего рынка" (market failure). Впервые она была разработана в рамках исследования международных отношений Р. Кохейном в его теории "спроса" на международные режимы⁵. Данная теория берется в ее конструктивистской трактовке, которая понимает возникновение "неработающего рынка" как результат больших различий в понимании ситуации между акторами, связанных с отсутствием у них общей идентичности⁶ или сходной системы идеологических представлений⁷.

Согласно упомянутой теории противоречия в региональной структуре негативно влияют на политики международных акторов, в частности, они определяют следующие тенденции: рост конфликтности политики; отсутствие эффективного взаимодействия между игроками, высокие транзакционные издержки; низкая эффективность и когерентность политик акторов; неэффективность интеграционных проектов; неразрешимые политические дилеммы для всех игроков. Применение теории "неработающего рынка" становится основным моментом проведенного автором уточнения модели новой "Большой игры".

Методология исследования. В работе использованы два ключевых метода, характерных для социологического подхода к изучению международных отношений. В рамках метода "исследования процесса"

также: Казанцев А.А. О когнитивно-неоинституциональном подходе к изучению международных отношений // Полис. – 2003. – № 1. – С. 74–81.

⁵ Keohane R. The demand for international regimes // Intern. Organization. – 1982. – Vol. 36, № 2. – P. 326–327.

⁶ Wendt A. Social theory of international politics. – Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 1999. – 429 p.

⁷ Goldstein J., Keohane R.O. Ideas and foreign policy: an analytical framework // Ideas and foreign policy: beliefs, institutions, and political change / ed.: J. Goldstein, R.O. Keohane. – Ithaca; London, 1993. – P. 3–30.

(process tracing)⁸ моделируются все возможные последствия предложенной объяснительной теории, которые можно эмпирически наблюдать. Затем соответствие модели реальности проверяется на фактическом материале, путем исторического описания. Сходный метод использовали Гегель и Маркс в рамках методологии исследования, предполагающей движение от абстрактного к конкретному. В результате применения этого метода выявляются ключевые тенденции политической реальности. Культурно-цивилизационная специфика рассматриваемого региона требует применения группы социологических методов исследования международных отношений (анализ идентичностей, ментальностей, идеологий, систем ценностей и моделей мира в их взаимосвязи с объективными процессами), развитых в рамках конструктивистского подхода⁹. Для анализа геополитических концепций широко применяется основанная на конструктивистских принципах методология "критической геополитики"¹⁰.

Наряду с этим используется ряд дополнительных исследовательских методов: построение качественных политологических моделей, рефлексивная теория игр, структурно-функциональный анализ, институциональная компаративистика, историко-сравнительный метод, структурно-функциональный и системный подходы.

Степень научной разработанности проблемы. В рамках исследования была проанализирована литература по пяти проблемным блокам, которые будут кратко охарактеризованы ниже. *Основной вопрос с точки зрения изученности проблемы состоял в разрыве между указанными блоками*

---

⁸ George A.L., Bennett A. Case studies and theory development in the social sciences. – London: MIT Press, 2005. – 331 p.

⁹ Wendt A. Social theory of international politics. – Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 1999. – 429 p.; Kratochwil F.V. Rules, norms, and decisions: on the conditions of practical and legal reasoning in international relations and domestic affairs. – Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 1989. – 317 p.

¹⁰ Tuathail G.Ó. Critical geopolitics: the politics of writing global space. – Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1996. – 314 p.; Rethinking geopolitics / ed.: G.Ó Tuathail, S. Dalby. – London: Routledge, 1998. – 333 p.; Dittmer J. Popular culture, geopolitics, and identity. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. – 181 p.

литературы. Синтез разных групп литературы является важной задачей во всех случаях разработки нового междисциплинарного направления исследований.

А. Институты и идентичности в современных социальных науках. В последние два десятилетия современные социальные науки придают особенно большое значение анализу взаимосвязей между объективными политическими процессами, с одной стороны, и их субъективным измерением, с другой стороны. Предлагаемая работа лежит в русле этой тенденции.

В частности, данной проблематике большое внимание уделяется в работах неoinституционалистов (Р. Коуза, Г. Саймона, Д. Норта, Д. Марча, Й. Ольсена и др.). Результаты их исследований в настоящее время широко применяются в моделировании международных отношений. Достижения неoinституционализма также легли в основу современных интерпретаций теории "неработающих рынка".

Согласно социологической теории международных отношений (А. Вендт и др.) институты не возникают на пустом месте. Они лучше всего развиваются в ситуации, когда у людей есть общие системы ценностей и представлений. В этом плане важным является появившаяся в социальных науках в 1990-х гг. тенденция к изучению политической роли символично-идентификационных форм (К. Гиртц и др.). Это позволяет углубить понимание причин возникновения ситуации "неработающего рынка", возникающей за счет отсутствия общих символов идентичности и общего понимания ситуации для всех акторов¹¹.

Б. Институты и идентичности в современной теории международных отношений. В рамках всех ключевых **структурных теорий международных отношений** признано, что стратегии акторов и структура взаимоотношений между ними очень серьезно трансформируются во взаимодействии с

---

¹¹ См. анализ проблемы интеграции и роли символов: Sergeyev V.M. The wild East: crime and lawlessness in post-communist Russia. – New York: Armonk, 1998. – 191 p.; Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России / Н.И. Бирюков. – М.: Изд. сервис, 2004. – 542 с.

определенной структурой: системой международных институтов (неолиберализм), международного и регионального баланса сил (неореализм), специфических типов международной и региональной идентичности (конструктивизм). В настоящее время в теории международных отношений на эмпирической основе происходит синтез неореализма и неолиберализма (как двух структурно сходных "нормативных" теорий) в рамках "рационализма"¹². К этому синтезу тесно примыкает такой "социологический" подход, как конструктивизм, который позволяет расширять анализ за счет внимания к культурно-субъективным, цивилизационным и символично-идентификационным феноменам. Конструктивизм (А. Вендт, Ф. Кратохвиль, Н. Онуф и др.) учитывает все достижения "рационализма" и нацелен на постоянный диалог с ним.

Рост новых угроз и вызовов безопасности, пересмотр политики государств в военной сфере после окончания "холодной войны" также вызвал к жизни, особенно, среди европейских экспертов, применение теории "секьюритизации". Последняя, будучи структурной теорией, равно близка по ряду параметров реализму (будучи изначально основанной на принципах "либерального реализма") и конструктивизму. В ее рамках изучается формирование *региональных комплексов безопасности*¹³ как специфических символично-идентификационных структур, определяющих региональную политику в области безопасности. Неолиберализм также стремится к диалогу с конструктивизмом, признавая, что символично-идентификационные факторы

---

¹² См. Wæver O. The rise and fall of the inter-paradigm debate // *International theory: positivism and beyond* / ed.: S. Smith, K. Booth, M. Zalewski. – Cambridge; New York, 1996. – P. 149–185; Smith S. The discipline of international relations: still an American social science? // *Brit. J. of Politics & Intern. Relations*. – 2002. – Vol. 3, № 3. – P. 374–402; *Controversies in international relations theory: realism and the neoliberal challenge* / ed. Ch.W. Kegley. – New York: St. Martin's Press, 1995. – 374 p.

¹³ Buzan B. *People, states, and fear: the national security problem in international relations*. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1983. – 262 p.; Buzan B. *People, states, and fear: an agenda for international security studies in the post-cold war era*. – 2nd ed. – Boulder: L. Rienner, 1991. – 393 p.; Buzan B., Wæver O., Wilde J. de. *Security: a new framework for analysis*. – Boulder: L. Rienner, 1998. – 239 p.; Buzan B., Wæver O. *Regions and powers: the structure of international security*. – Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 2003. – 564 p.

(прежде всего, идеи) могут играть решающую роль в формировании эффективных институтов¹⁴, в том числе, за счет фактора обучения новым типам поведения¹⁵.

В результате описанного выше эмпирического синтеза, происходящего на основе конструктивизма, в современной теории международных отношений возникает эффективная методология исследования регионов мира с большим культурно-цивилизационным своеобразием.

В. Глобалистика и геополитика, "традиционная" и "критическая". Данная работа следует традиции такой научной дисциплины, как изучение глобальных проблем (global studies). Эта дисциплина активно взаимодействует с геополитикой. Среди отечественных работ по геополитике Центральной Азии можно отметить ряд авторов (Рудов Г.А., Пономарева Е.Г., Каримова А.Б. и др.), которые моделируют геополитику региона с учетом взаимосвязи региональных и глобальных процессов.

В последнее время, в мировой политологии широко распространилась близкое конструктивизму направление "критической геополитики" (Tuathail G.Ó., Dalby S., Dittmer J. и др.). Согласно этой теории геополитические представления исторически конструируются соответствующими международными акторами. Актуальность применения идей "критической геополитики" к Центральной Азии заключается в том, что, как показывает анализ историко-этнографической литературы (А.И. Левшин, В.И. Бушков, Ю.С. Худяков, С.Е. Толыбеков, Н.А. Омуралиев), существует большое разнообразие символично-идентификационных структур, пронизывающих

---

¹⁴ Goldstein J., Keohane R.O. Ideas and foreign policy: an analytical framework // Ideas and foreign policy: beliefs, institutions, and political change / ed.: J. Goldstein, R.O. Keohane. – Ithaca; London, 1993. – P. 3–30. См. также: Garret G., Weingast B.R. Ideas, interests and institutions: constructing european community's internal market // Ideas and foreign policy: beliefs, institutions, and political change / ed.: J. Goldstein, R.O. Keohane. – Ithaca; London, 1993. – 173–206.

¹⁵ Nye J.S. Nuclear learning and US-Soviet security regimes // Inten. Organization. – 1987. – Vol. 41. – P. 378–382; Haas E.B. When knowledge is power: three models of change in international organizations. – Berkeley: Univ. of California Press, 1990. – P. 2–6; Haas P.M. Epistemic communities and the dynamics of international environmental cooperation // Regime theory and international relations / ed. R. Volker. – Oxford, 1993. – P. 175.

пространство Центральной Азии. На этом основании мы приходим в дальнейшем к выводу, что выделить единую для региона идентификационную структуру практически невозможно. Одновременно регион, через Великий шелковый путь, исторически связан со всеми великими цивилизациями Евразии (Ртвеладзе Э., Табышалиев С.Т., Schafer E.H., Bonavia J., Whitfield S.).

В результате, все ключевые международные акторы пользуются чрезвычайно многообразной историей региона и его внутренней "пестротой" для того, чтобы создавать различные, абсолютно не совпадающие друг с другом историко-географические определения Центральной Азии. Именно этот тезис впоследствии станет основанием для вывода об отсутствии устойчивой региональной идентичности и применения теории "неработающего рынка" к ситуации в регионе.

В геоэкономике на основе работ Ф. Броделя возникло близкое к критической геополитике направление – *теория «глобальных ворот»*.¹⁶ Она также предполагает историческую изменчивость геоэкономических структур и их взаимосвязь с различными субъективными аспектами реальности, такими, как культура и система представлений о мире (наука, и т.д.). Принципы и методы "воротного" геоэкономического исследования были адаптированы к условиям постсоветского пространства в рамках научного проекта, в котором участвовал автор данной работы¹⁷. В другой работе мы расширили методы "воротного анализа" на сравнительные исследования модернизационных

---

¹⁶ Ворота в глобальную экономику / Д.Е. Андерссон [и др.]. – М.: Фазис, 2001. – 440 с.

¹⁷ Подробное исследование о "воротной" роли Москвы было проведено в проекте, в котором участвовал автор данного исследования. См.: Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей / В.М. Сергеев [и др.] // Полис. – 2007. – № 2. – С. 8–17; Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. – 2007. – № 2. – С. 18–30; Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей / В.М. Сергеев [и др.] // Полис. – 2007. – № 2. – С. 31–43; «Хора» московских «ворот» и сценарии ее развития / В.М. Сергеев [и др.] // Полис. – 2007. – № 2. – С. 44–62.

процессов¹⁸. Данный подход используется для анализа экономических аспектов региональных структур Центральной Азии.

Г. Политические процессы в Центральной Азии: военно-политические, экономические и символично-идентификационные аспекты. Огромный комплекс литературы использовался для создания комплексной модифицированной и уточненной модели новой "Большой игры", описывающей взаимодействие военно-политических, культурных и символично-идентификационных политических процессов в Центральной Азии. В рамках изучения военно-политических аспектов рассматриваются работы таких авторов, как Звягельская И.Д., Золотарев В.А., Касенов У.Т., Князев А.А., Мальгин А.В., Бурнашев Р., Черных И., Олкотт М.Б., Аллисон Р., Джонсон Л., Редер П. и др. В аспекте анализа экономических проблем Центральной Азии используются произведения следующих авторов: Бабак В., Боришполец К.П., Жуков С.Б., Резникова О.Б., Звягельская И.Д., Усманиева Г.Б., Rumer V., Odling-Smee J., Hirschhausen Ch. von, Engerer H., Kemp G., Koolae E., Kumar R., Green M.B., Sagers M.J., Green D.W., Pannier B., Sagers M.J., Vriens H., Xiaojie Xu, Zhukov S. и др. С точки зрения исследования символично-идентификационных структур в регионе рассматриваются работы следующих авторов: Абашин С., Поляков С.П., Звягельская И.Д., Зотов О.В., Малашенко А.В., Масанов Н.Э., Мурзалин Ж.А., Панарин С., Трофимов Д.А., Фурсов А.И., Хрусталеv М.А., Atkin M., Bacon E.E., Bennigsen A., Carrère d'Encausse H., Frank A.G., Fuller G.E., Hanks R.R., Jahangiri G., Lemercier-Quelquejay Ch., Gross J.-A., Kulchik Y., Fadin A., Sergeev V., Shahrani N. и др.

Д. Политика ключевых глобальных акторов в Центральной Азии: взаимосвязь прошлого и настоящего. В диссертации используется огромный комплекс классической исторической (например, Бартольд В.В. Халфин Н.А.) и современной политологической литературы (Starr S.F, Lewis B. и др.), который позволяет соотнести разнообразные современные геополитические

---

¹⁸ Казанцев А.А. Интеллигенция и структурные инновации в политическом пространстве (Опыт сравнительного анализа) // Политические исследования (Полис). — 2007. — № 1. — С. 71-93.

представления о Центральной Азии, используемые ключевыми глобальными акторами (Евразия, постсоветское пространство, «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия», восточноиранский мир, «Западный край» и т.п.), с одной стороны, и сложную историю региона, с другой стороны.

Научная новизна работы. Проведенный выше анализ литературы позволяет выделить нижеследующие аспекты новизны результатов исследования.

1. Выявлена взаимосвязь между современными глобальными противоречиями и противоречиями в международно-региональной структуре в Центральной Азии.

2. Противоречия в региональной структуре проанализированы в двух измерениях: субъективном (символы идентичности, связанные с культурно-цивилизационной спецификой) и объективном (интересы ключевых глобальных игроков, поддерживаемые ими международные организации и институты). При этом обнаружены два механизма, осуществляющие связь между субъективным и объективным измерениями региональной структуры. С одной стороны, так как Центральная Азия в прошлом подвергалась влиянию всех великих цивилизаций окраин Евразии, то регион в настоящее время превратился в объект столкновения разных геополитических проектов важнейших глобальных акторов. С другой стороны, утвердилась тенденция к взаимодействию «многовекторных» внешних политик самих центральноазиатских государств с большим количеством международных региональных организаций, которые основаны на конкурирующих геополитических проектах внерегиональных акторов.

3. На основании описанных выше двух механизмов связи между субъективным и объективным измерениями региональной структуры выявлена причинно-следственная связь между противоречивой идентификационной

структурой региона и многовекторными политиками государств Центральной Азии.

4. Проанализированы негативные политические тенденции, к которым приводит специфическая международно-региональная структура, сложившаяся в Центральной Азии, в частности, слабая предсказуемость ситуации, высокая степень региональной нестабильности, отсутствие эффективного взаимодействия между акторами за счет высоких транзакционных издержек, проблемы в осуществлении интеграционных проектов и реализации интересов вовлеченных в регион ключевых глобальных акторов.

5. Уточнена и модифицирована распространенная в литературе модель новой «Большой игры» в Центральной Азии. Уточненная модель включает в себя дополнительно к традиционной следующие факторы: большее количество игроков разного типа (государственного и негосударственного); неустойчивость и ситуативный характер коалиций между ними; культурно-цивилизационное своеобразие региона, которое современным акторам, в отличие от старых колониальных держав, трудно игнорировать; роль международных организаций в конкуренции между глобальными акторами; специфику применяемых геополитических моделей, предопределяющих большой разрыв в ожиданиях (экспектациях) акторов, высокую степень неопределенности и непредсказуемости ситуации.

6. Указанная модель протекания международно-политических процессов в регионе позволяет учитывать военно-политическое, экономическое и символично-идентификационное измерения политики. На ее основе проведена классификация государств-ключевых акторов глобальной политики, вовлеченных в центральноазиатский регион. При этом вычленена та группа акторов (Китай и, в ряде частных аспектов, ЕС), политика которых в наибольшей степени адаптирована к специфической региональной структуре.

7. С точки зрения выработки эффективной стратегии России в регионе Центральной Азии обоснованы принципы прагматичной политики,

конкретизированные до ряда предлагаемых конкретных мер, основанных на опыте Китая и ЕС.

Апробация работы. Работа была апробирована на трех взаимосвязанных уровнях: научно-академическом, экспертном и преподавательском.

По различным аспектам диссертационного исследования автором опубликовано 49 научных и экспертных работ общим объемом 60 п.л. *Специфика исследования – изучение взаимосвязи глобальных и региональных проблем – обусловила широкий тематический и междисциплинарный характер публикаций по теме диссертации.*

К числу особо важных работ в данном направлении относятся три авторские монографии («Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия" (М., 2008), Политика стран Запада в Центральной Азии: проекты, дилеммы, противоречия" (М., 2009.), Расширение проблематики безопасности в политике России: секьюритизация, биополитика и новые административные практики (М., 2010)). Монография "Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия" получила вторую премию РАПН в номинации "лучшая научная работа" за 2008 г. Перу автора данного исследования принадлежит ряд опубликованных в качестве брошюр аналитических докладов и записок, а также ряд коллективных монографий и сборников работ. В опубликованных в России (в том числе, в журналах "Политическая наука", "Полис", "Политэкс", "Полития", "Космополис", "Экономическая политика", "Логос" и т.д.) научных статьях (в Российский индекс научного цитирования, РИНЦ входит 16 статей А.А. Казанцева) содержатся исследования центральноазиатской проблематики, взаимосвязи региональных и глобальных проблем, теоретических вопросов в области современной теории международных отношений и анализа политической роли символов идентичности.

Четыре научные статьи автора и один аналитический доклад опубликованы за рубежом, в частности, в Великобритании, Германии, Италии, Швейцарии. Материалы работы были представлены более чем на 23

международных конференциях и международных исследовательских семинарах, например, на конференциях "Стратегии диалога России и ОДКБ с ЕС в сфере безопасности" (Москва 2005), Безопасность в Центральной Азии: интересы России и ЕС (Москва 2008), Вторая глобальная конференция международных исследований (Любляна 2008), ШОС – формат энергетического диалога (Москва 2008), на семинаре "Эволюция регионального комплекса безопасности в Центральной Азии" Школы Восточных и Африканских исследований (Лондон 2009) и т.д.

В рамках разработки данного научного направления велась подготовка конференций и других проектов в сфере взаимодействия с такими международными исследовательскими структурами, как Фонд Фридриха Эберта, Женевский центр демократического контроля над вооруженными силами, Институт исследований безопасности ЕС и др., и с такими международными организациями, как МАГАТЭ и рабочая группа ООН по военным наёмникам и частным военным кампаниям. В ходе работы над диссертацией автор проходил многочисленные стажировки как в странах Центральной Азии (Туркменистан), так и в ряде стран Запада (Великобритания, Нидерланды, Италия). Работа прошла апробацию и в ходе сотрудничества ее автора и с российскими научно-общественными структурами (РАПН, Международная федерация мира и согласия, и т.д.). Например, А. Казанцев с 2010 г. является членом Экспертного совета РАПН.

Большой интерес к синтезу теоретического и прикладного анализа в рамках данной работы объясняется длительным (более 10 лет) опытом прикладной аналитической и экспертной работы автора данного исследования. В рамках работы в Международном Институте Гуманитарно-политических исследований (1998 – 2000), а затем в МГИМО МИД России (2001 – наст. вр.) он занимался мониторингом ситуации в Центральной Азии, разрабатывал практические рекомендации для министерств и ведомств РФ (в частности, он является автором и соавтором более 15 аналитических записок для различных

органов власти России), а также некоторых международных организаций (ОДКБ, Межпарламентская Ассамблея СНГ).

Автором данной работы был также реализован ряд экспертных проектов в соответствующей области. К их числу принадлежит работа над подготовкой заседаний экспертных советов ОДКБ, экспертная работа по линии взаимодействия Администрации Президента РФ и Совета Безопасности Казахстана, работа над материалами для саммита "Группы восьми" в Санкт-Петербурге, 2006 (миграционные проблемы) и т.д.

Предлагаемое в данной работе новое междисциплинарное направление имеет также и прикладное измерение в сфере образования. Автор как индивидуально, так и в соавторстве, в рамках работы в РГГУ и МГИМО, разработал 4 новых учебных курса по соответствующей тематике, включая "Международные процессы в Центральной Азии" и "Сравнительные внешнеполитические процессы".

Рекомендации по практическому применению результатов исследования. Полученные в ходе исследования результаты могут продолжать применяться на трех взаимосвязанных уровнях: *научно-аналитическом, экспертном и преподавательском.*

На *научно-аналитическом уровне* они могут использоваться для решения широкого круга задач, выходящих за пределы центральноазиатского региона. Выработанная в ходе работы модель, связанная с инструментарием анализа взаимосвязей между региональными и глобальными структурами и протекающими в них процессами на основе теории "неработающего рынка", может использоваться для сравнительного изучения процессов в других регионах мира.

На *экспертном уровне* анализ основных тенденций протекания политических процессов в регионе в их взаимосвязи с глобальными процессами может быть полезен для решения широкого круга экспертно-прикладных задач в интересах министерств и ведомств России, российского частного бизнеса, поддерживаемых РФ региональных и глобальных

международных организаций. Сформулированные в ходе работы общие принципы и конкретные рекомендации, направленные на адаптацию политики России к условиям такого своеобразного региона мира, как Центральная Азия, могут быть полезны для разработки до сих пор отсутствующей у нашего государства региональной стратегии.

На преподавательском уровне материалы работы могут быть с успехом использованы для подготовки учебных курсов по международным отношениям в Центральной Азии. В частности, в настоящее время не только в России, но и в мире в целом отсутствует соответствующий обобщающий учебник, где бы сочетался анализ теоретических и прикладных, глобальных и региональных аспектов международно-политических процессов в постсоветской Центральной Азии.

II. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из Введения, 6 глав, Заключения и трех приложений. Главы можно разделить на две группы, состоящие из трех глав каждая. В первых трех (более теоретико-аналитических) анализируются в контексте сравнений с другими регионами мира институциональные и символично-идентификационные структуры, сложившиеся в Центральной Азии. В последующих трех главах (более экспертно-практических) анализируются конкретные политические процессы, возникающие в результате реализации региональных политик ключевых глобальных акторов. В Заключении также можно выделить две части, посвященные, соответственно, теоретическим и практическим аспектам работы. В этом реализуется направленность на синтез теории и практики. В трех приложениях приведен список литературы, описываются принципы написания географических названий и имен, сформулирован прогноз долгосрочной эволюции ситуации в регионе.

Основное содержание работы. Во Введении обосновывается актуальность исследуемой темы, характеризуются объект и временные рамки

исследования, проводится постановка исследовательской проблемы, формулируются исследовательская гипотеза, цель, задачи исследования, перечисляются научные выводы, выносимые на защиту, и отмечаются аспекты их новизны. Кроме того, обосновываются теоретические и методологические основания исследования, анализируется степень изученности проблемы, рассказывается об апробации работы и внедрении ее результатов, даются рекомендации по дальнейшему практическому применению результатов исследования, описывается структура диссертационного исследования.

В главе 1. "**Проблемы идентификации и определения границ центральноазиатского региона**", в целом, анализируется субъективное, культурно-цивилизационное измерение региональной структуры. При этом использовались классические работы авторов, писавших об историко-культурных связях Центральной Азии с Россией (Соловьев С.М., Ключевский В.О., Халфин Н.А., Струве В.В., Вернадский Г.В., Греков И.Б., Сопленков С.В., Брусина О.И., Ахмеджанов Г.А. и др.), о связях региона с Китаем (Валиханов Ч.Ч., Бичурин Н.Я., Боровкова Л.А., Малявкин А.Г., Хафизова К.Ш., Караев О.К., Schafer Е.Н. и др.), с арабо-исламским миром (Большаков О.Г., Бартольд В.В., Крачковский И.Ю., Гоибов Г. и др), с ирано-мусульманским миром (Бартольд В.В., Бертельс Е.Э., Брагинский И.С., Фрай Р.Н., Агаджанов С.Г., Ахмедов Б.А. и др.), с турецко-тюркским мусульманским миром (Бартольд В.В., Гусейнов Р.А., Sanaullah M.F.), с Индией (Ашрафян К.З., Беренстен В., Фарзалиев А., Мамедова Р.). В результате автор приходит к выводу, что Центральная Азия на протяжении всей истории подвергалась достаточно равномерному влиянию всех великих цивилизаций Евразии (исламской, китайской, восточно- и западноевропейской). В результате регион в настоящее время превратился в объект столкновения разных "историко-геополитических проектов", поддерживаемых ключевыми акторами мировой политики. Данный анализ имеет явный признак новизны, так как, несмотря на популярность исследования культурно-цивилизационных проблем в рамках современной международной проблематики, работ, в которых систематически бы

прослеживалось влияние историко-культурной специфики региона на его международно-региональную структуру, нет.

В разделе 1.1. **"Теоретические подходы к анализу региональной структуры: вопросы синтеза субъективного и объективного измерений"** исследуется то, каким образом анализ символично-идентификационного измерения региональной структуры помогает понять протекающие в регионе политические процессы (подраздел 1.1.А. **"Влияние институтов и идентичностей на процессы в международных регионах"**). Далее (подраздел 1.1.Б. **"Ресурсы создания и поддержания структур международных регионов"**) формулируется комплексная теория протекания политических процессов в регионе, учитывающая военно-политические, экономические и символично-идентификационные ("мягкую силу") ресурсы акторов. При этом используется конструктивистская интерпретация неоллиберальной теории "мягкой силы" (Дж. Най). На основании данной теории в подразделе 1.1.Г. **"Новая "Большая игра": от метафоры к модели"** ставится задача модификации и уточнения широко распространенной модели новой "Большой игры", формулируются необходимые параметры уточненной автором модели. Наконец, в подразделе 1.1.Д. **"Центральная Азия и противоречия современной глобализации"** автор приходит к выводу, что противоречия, наблюдаемые в региональной структуре в Центральной Азии, являются резко усиленным отражением глобальных противоречий, существующих в мировой политике в целом (в частности, между разными вариантами процессов глобализации, поддерживаемыми ключевыми акторами системы международных отношений, между элементами вестфальской и поствестфальской систем и т.д.). Причиной этого является то, что в регион втянуты практически все ключевые акторы мировой политики.

В разделе 1.2. **"Центральная Азия: множественность геополитических ориентаций"** со ссылками на классические исторические и филологические работы рассматривается исторически сложившаяся в Центральной Азии "геополитическая неопределенность" (подраздел 1.2.А.).

Она является результатом углубленных исторических связей региона Великого шелкового пути со всеми великими цивилизациями Евразии. В результате неправильным оказывается, скажем, определение Центральной Азии как исключительно "евразийского", исключительно "восточноиранского" или исключительно "исламского" региона. В подразделе 1.2.Б. **"Геополитическая «пестрота» внутри региона"** на основе анализа исторических и антропологических работ автор приходит к выводу о том, что внутри региона отсутствует какая-то единая и непротиворечивая культурно-идентификационная структура. Ключевой характеристикой оказывается "пестрота" культур и субкультур, идентичностей и субидентичностей региона. В результате внерегиональные акторы получают хорошую возможность манипулировать представлениями об историко-культурной "природе" региона и его границах, "привязывая" его, соответственно, к Ирану, Турции, Китаю и т.д. Соответствующая "война определений" региона, которыми манипулируют ключевые вовлеченные в регион акторы, рассматривается в подразделе 1.2.В. **"Разные способы определения региона как способ политической борьбы внешних сил"**.

В разделе 1.3. **"Неопатримониализм или неопределенность с выбором новыми независимыми государствами Центральной Азии модели социально-политического развития"** (особенно, в подразделе 1.3.Д.) содержится авторская интерпретация внешнеполитических последствий концепции неопатримониальных политических систем (Вебер М., Эйзенштадт Ш., Roth G., Theobald R., Medard J.-F. и др.) в ее приложении к пяти государствам региона. Согласно этой концепции основу политических систем государств региона составляет недифференцированный контроль над властью-собственностью. При этом руководство, будучи структурировано в кланы (Collins K.), управляет государствами как своей частной собственностью.

В соответствии с классической теорией неопатримониализма такого рода системы в принципе не способны поддерживать какую-либо эффективную модель развития (исключением для такого вывода является Казахстан). Более

того, реальное принятие какой-либо модели развития, предлагаемой ключевыми глобальными игроками, полностью разрушит баланс сил, сложившейся внутри клановых систем. Так, например, выбор в пользу России будет означать, до определенной степени, возврат к идеологическим символам российской и советской эпох, в то время как легитимность новых политических элит зиждется на национализме новых государств. Прозападная политика будет означать необходимость демократизации, что воспринимается политическими лидерами как добровольная отдача власти и связанного с ней контроля над собственностью. Ориентация на мир ислама подорвет позиции светской элиты, восходящей ко временам официального атеизма. Выбор в пользу «восточноазиатской» модели развития требует перераспределения влияния в обществе в пользу динамичных групп, связанных с бизнесом. А это разрушит политэкономический базис, на котором основаны нынешние властные структуры.

Не будучи способными обеспечить эффективное развитие (исключение – Казахстан), соответствующие властные кланы способны, однако, легко заимствовать поверхностные лозунги и элементы идеологии у всех ключевых акторов мировой политики. Это еще больше усиливает проблему "втягивания" в регион ключевых глобальных акторов, так как их противостояние вместо борьбы за классические сферы контроля по образцу "Большой игры" XIX в. приобретает характер идеологической борьбы между "моделями развития". В этой связи в подразделах А, Б, В и Г анализируются, соответственно, различные идеологические выборы и модели развития, связанные с Россией, Западом, миром ислама, а также паназиатские концепции.

Актуальность анализа соответствующих "идеологических выборов" особенно повышается в связи с тем, что они становятся обоснованием интеграционных проектов и деятельности международных региональных организаций, поддерживаемых соответствующими внерегиональными акторами. В результате "переключки" между первой и второй главой показывают, что субъективное и объективное измерение региональной

структуры взаимодействуют между собой. Существует причинно-следственная связь между противоречивой идентификационной структурой региона и современными многовекторными политиками центральноазиатских государств, анализ которых проводится в первой и второй главе, соответственно.

В главе 2. **"Международно-институциональные противоречия в Центральной Азии"** рассматривается объективное измерение региональной структуры. При этом автор приходит к выводу, что ситуация большой региональной неопределенности сложилась в результате взаимодействия «многовекторных» внешних политик с членством в большом количестве международных региональных организаций с противоречащими векторами интересов. Большую роль в плане формирования этих векторов интересов играют различные энерготранспортные проекты и связанные с ними интеграционные структуры, в рамках которых реализуются интересы внерегиональных акторов. В настоящее время существует обширная литература о многовекторном характере политик центральноазиатских государств, однако вопрос об их соотношении с предлагаемыми ключевыми глобальными акторами интеграционными проектами и поддерживаемыми ими региональными организациями еще не был систематически рассмотрен. Возможной причиной является то, что данная ситуация является парадоксом с точки зрения неолиберализма как традиционной парадигмы анализа деятельности международных организаций, – международные организации и проекты экономической интеграции в регионе являются важными с точки зрения достижения "относительных выгод" (relative gains) ключевыми акторами мировой политики.

У центральноазиатского неопатримониализма есть одно важное следствие, к анализу которого обращается раздел 2.1. **"Внешняя политика и "многовекторные" политико-экономические интересы стран Центральной Азии"**. Контакты внешних партнеров (как политических, так и экономических) с центральноазиатскими государствами неизбежно должны строиться на взаимодействии с патронажно-клиентельными сетями, группирующимися

вокруг властного центра. Результаты таких взаимодействий, как правило, чрезвычайно нестабильны в силу нестабильности самих этих сетей. Поэтому чрезвычайно нестабильной и неопределенной оказывается и вся представленная в регионе система интересов: как самих новых независимых государств региона, так и их внешних партнеров. Эту систему часто называют многовекторной. Сама по себе многовекторность может быть позитивным феноменом. Однако в случае Центральной Азии многовекторность основана на неопределенности интересов новых независимых государств, а это создает высокую нестабильность на уровне региона, в целом, и, следовательно, с точки зрения региональной структуры, является феноменом, скорее, негативным. К этому выводу автор приходит на основе комплексного анализа внешнеэкономических и внешнеполитических связей государств Центральной Азии, основанном на изучении их интересов в области экономики и безопасности.

Многовекторность внешних политик приводит к тому, что центральноазиатские государства имеют очень существенный интерес в вовлечении в регион разнообразных внешних сил, которые бы позволили им решить комплексные задачи выживания и внутреннего развития. Однако они не готовы сделать выбор в пользу какого-то *одного* ключевого партнера. Поэтому в настоящее время они пытаются «втянуть» в регион как можно больше разнообразных глобальных сил.

Такая многовекторная политика центральноазиатских стран, направленная, по преимуществу, вовне, сохраняет геополитическую «размытость» региона. Ведь ключевые партнеры ищутся новыми независимыми государствами во всех возможных географических направлениях. Парадокс при этом заключается в том, что сохраняющееся пока единство региона создается в результате не работой центростремительных сил, а взаимным уравниванием сил центробежных.

Данный анализ конкретизируется в разделе 2.2. **"Участие современных государств Центральной Азии в международных организациях и**

интеграционных проектах", где последовательно рассматривается членство государств Центральной Азии одновременно в четырех группах международных организаций, представляющих, соответственно, интересы четырех групп ключевых глобальных игроков (представляющих Запад, Китай и страны АТР, Россию, исламский мир). В подразделе **А.** исследуются международные региональные организации постсоветского пространства (СНГ ЕврАзЭС, ШОС, ОДКБ), в подразделе **Б.** азиатские организации (ШОС, Азиатский банк развития, Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество), в подразделе **В.** организации исламского мира (Организация «Исламская Конференция», Исламский банк развития, Организация экономического сотрудничества (ЕСО)), в подразделе **Г.** европейские и евроатлантические организации и институционализованные формы сотрудничества с ними (Европейский банк реконструкции и развития, Организация по сотрудничеству и безопасности в Европе, Совет евроатлантического партнерства (СЕАП) и «Партнерство ради мира» (ПМ) НАТО, институционализованные формы взаимодействия с ЕС. В результате демонстрируется, что страны Центральной Азии одновременно интегрируются в совершенно противоположных друг другу направлениях и принимают противоречащие друг другу обязательства. Этот анализ обобщается в приведенной ниже таблице 1.

Таблица 1. Векторы интеграции Центральной Азии

Географический регион/ сфера интеграции	Общеполитическое согласование позиций	Экономическая интеграция	Военно-политическая интеграция
Россия и постсоветское пространство	СНГ	ЕврАзЭС, ШОС	ОДКБ, ШОС
ЕС	ОБСЕ, СЕАП	ЕБРР, соглашения с ЕС о партнерстве и сотрудничестве, программы помощи ЕС.	СЕАП, ПМ и индивидуальные программы партнерства с НАТО.
АТР и Китай	Частично, ШОС и СВМДА	ШОС, АБР, ЦАРЭС	ШОС
Исламский мир	ОИК	ЭКО, ИБР	Нет

В главе 3. "Специфика взаимосвязи региональных и глобальных международно-политических процессов в Центральной Азии", в целом, обобщаются результаты проведенного ранее анализа субъективных и объективных аспектов региональной структуры. Неуспех внутрирегиональных интеграционных процессов привел к тому, что структура регионального порядка начинает конструироваться извне. Внешние силы одновременно борются за идентичность региона и за присоединение его к интеграционным проектам той или иной части Евразии (постсоветское пространство, исламский мир, Европа, АТР). Частью этой борьбы является их политика в области развития транспортных и энерготранспортных маршрутов. От «Большой игры» XIX в. ситуация отличается значительно большим количеством внешних игроков и большим количеством неустойчивых коалиций между ними. Сложившаяся в Центральной Азии комплексная структура ведет к целому ряду

негативных политических процессов: высокой нестабильности, непредсказуемости ситуации, росту конфликтности политик, отсутствию эффективного взаимодействия между акторами, неэффективности интеграционных проектов и сложностям в реализации интересов вовлеченных в регион ключевых глобальных акторов.

В разделе 3.1 **"Несформированная внутренняя региональная структура: провал проектов "внутренней" центральноазиатской интеграции"** отмечается, что в постсоветской Центральной Азии наблюдалось изобилие различных сменявших друг друга формальных интеграционных организаций. В этом плане регион можно считать лидером на постсоветском пространстве. Однако сотрудничество между государствами в рамках различных организаций, в реальности, совершенно не складывалось. Принималось огромное количество различного рода документов, которые были обречены на заведомое невыполнение. Степень взаимного доверия между лидерами и странами была невелика. Любая страна, выдвигавшая проекты кооперации, подозревалась в своекорыстных мотивах, в попытках «обмануть» соседей. Для того, чтобы какие-то проекты реализовывались, постоянно нужна была помощь внерегиональных спонсоров (прежде всего России, США, ЕС, Китая и Японии).

В результате сложилась тенденция к распаду внутрирегиональных интеграционных структур из-за несоблюдения обязательств в их рамках при наличии ярко выраженной взаимозависимости. Последнее является парадоксом с точки зрения неолиберализма (в частности, теории взаимозависимости).

На основании анализа преречисленных выше хорошо известных в литературе фактов автор приходит к следующему выводу. Невозможность центральноазиатских стран соорганизоваться создает "вакуум" внутри региона, который оказывается лишен собственной структуры регионального порядка. Это, в свою очередь, "притягивает" к нему активность внешних, глобальных игроков и приводит к попыткам распространить на Центральную Азию структуры региональных порядков из других частей евразийского континента.

Данный тезис развивается в разделе 3.2. "Центральная Азия: международный регион в контексте внешних сравнений". В нем формулируется следующая авторская типология международных регионов: А. «Простой» регион: «Один регион – одна структура регионального порядка»; Б. Распавшийся регион: «Группа стран без структуры регионального порядка»; В. Распадающийся регион: «Один регион – много структур регионального порядка»; Г. Простая постколониальная модель: «Один регион – наложение двух типов структур региональных порядков, внутренних и внешних»; Д. Центральноазиатская модель: «Один регион – множество внешне ориентированных порядков с неопределенными сферами влияния».

В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о внешнем "конструировании" Центральной Азии как международного региона. Это положение является новым в плане обобщения ряда предшествующих достижений в соответствующей области. Например, в аспекте анализа проблем безопасности неоднократно отмечалось, что специфика новой «Большой игры» вызвана слабостью государств региона. С этим связано понятие "отложенного нейтралитета" государств Центральной Азии (термин, обоснованный А.Д. Богатуровым, А.С. Дундичем и Е.Ф. Троицким), так как при стремлении к нейтралитету и укреплению суверенитета государства региона вынуждены для обеспечения безопасности "втягивать" в регион глобальных игроков. В результате последние начинают, в рамках предлагаемых ими интеграционных проектов и поддерживаемых ими международных организаций, играть определяющую роль в плане формирования региональных институтов. Указанная региональная структура одновременно вовлекает в регион ключевых глобальных акторов и порождает весьма серьезные негативные последствия для их региональных политик, так как не определены "сферы влияния" между ними.

«Конструирование» региональных структур в Центральной Азии глобальными акторами за счет переноса в регион всех противоречий мировой политики порождает трудно разрешимые политические дилеммы для всех

акторов (раздел 3.3.). Это серьезно затрудняет реализацию ими своих интересов в регионе, а также порождает дополнительно целый ряд других негативных тенденций для региональной политики (таких, как нестабильность, непредсказуемость ситуации и т.д.). Все эти тенденции показывают, что к региону приложима концепция "неработающего рынка".

На основании предшествующего анализа в разделе 3.4. формулируется специфика новой «Большой игры» по сравнению с ситуацией "Большой игры" XIX в. Уточненная модель новой "Большой игры" принимает во внимание следующие дополнительные факторы: большее количество игроков разного типа (государственного и негосударственного); неустойчивость и ситуативный характер коалиций между ними; роль международных организаций в конкуренции между глобальными акторами; культурно-цивилизационное своеобразие региона, определяющее специфику применяемых геополитических моделей; высокую степень неопределенности и непредсказуемости ситуации (как следствие ситуации "неработающего рынка").

Как показывает анализ в разделе 3.5. **"Региональная нестабильность в Центральной Азии и глобальные политические процессы"** соответствующая региональная структура порождает беспрецедентно высокую для современного мира степень региональной нестабильности.

Центральная Азия характеризуется уникальной комбинацией вызовов и угроз разного уровня. В то же время конкуренция внешних сил и отсутствие региональной кооперации между самими центральноазиатскими странами уничтожают существенную часть потенциала международного сотрудничества в деле нейтрализации этих угроз. Последний факт осознается ключевыми акторами мировой политики. В результате наблюдается компенсационная тенденция в виде стремления ключевых глобальных игроков взаимодействовать в сфере обеспечения безопасности региона с целью минимизации экономических издержек (например, в рамках глобальной антитеррористической коалиции). Это – парадокс с точки зрения теории

неореализма: сфера безопасности служит не для достижения "относительных выгод", а для достижения "абсолютных выгод" (absolute gains).

В последующих трех главах проведенный ранее теоретический анализ специфики региональной структуры и связанных с ней процессов используется для того, чтобы исследовать конкретные политики ключевых глобальных игроков в регионе и выработать рекомендации по адаптации стратегии России к соответствующей региональной структуре. Здесь происходит переход от абстрактно-теоретического уровня анализа к конкретно-экспертному анализу, в чем реализуется принцип связи теории и практики.

В главе 4. "Политика России в Центральной Азии" содержится подробный структурный (т.е. строящийся в соотношении с факторами региональной структуры) и исторический анализ политики России в постсоветской Центральной Азии с соотношением ее как с советским и даже досоветским прошлым, так и с перспективами дальнейшего развития ситуации. При этом используются работы большого числа специалистов (Лузянин С.Г., Лунев С.И., Звягельская И.Д., Малащенко А.В., Наумкин В.В., Малышева Д.Б., Чернявский С.И., Мальгин А.В., Загорский А.В. и др.).

В целом, новизна авторского подхода к анализу политики России в Центральной Азии в данной главе заключается в двух моментах, теоретическом и экспертно-практическом. В теоретическом плане проводится критический анализ политики России в постоянном ее соотношении с противоречиями, присущими региональной структуре Центральной Азии. Это показывает закономерный, а не случайный характер проблем в политике России (хотя и наличие ошибочных политических решений особенно, в 1990-е гг., невозможно отрицать). В результате возникает возможность дальнейшего сопоставления способов решения региональных проблем Россией с методами решения тех же проблем другими ключевыми глобальными акторами. В экспертно-практическом плане это позволяет в дальнейшем сформулировать практические рекомендации, направленные на выработку оптимальных форм адаптации политики России к специфическому региону Центральной Азии.

В разделе 4.1. анализируются противоречия советской модернизации Центральной Азии, которые на основе работы А. Г. Вишневого¹⁹ выводятся из самой природы советской модернизации. Далее проект "ухода" России из Центральной Азии (сформулированный российскими "демократами", но поддержанный и рядом других сил, прежде всего, русскими националистами) рассматривается в контексте системного кризиса, разразившегося в регионе к моменту распада СССР.

В разделе 4.2. автор приходит к выводу о том, что период 1991-1994 гг. (особенно, гражданская война в Таджикистане и необходимость охраны границ новых независимых государств) показал необходимость регионального присутствия России. Более того, попытка России "уйти" из Центральной Азии привела к возникновению «геополитической пустоты» (термин З. Бжезинского) с чрезвычайно тяжелыми последствиями для всех государств региона.

В разделе 4.3. демонстрируется взаимодействие между двумя процессами, которые определили политику России в регионе в 1995-1998 гг. С одной стороны, происходила активизация центральноазиатской политики России. С другой стороны, на фоне усиления международной конкуренции за влияние на регион произошло втягивание России в геополитическое соперничество с США и западным миром в целом. При этом, несмотря на определенные попытки России "вернуться" в регион, ее реальное влияние продолжало уменьшаться. Одной из причин этого были серьезные проблемы в российской экономике и общий крах проекта либеральной модернизации, реализовавшегося в 1990-е гг.

В разделе 4.4. "Рост влияния России в Центральной Азии в начале нового тысячелетия как результат увеличения стратегической нестабильности" анализируется ряд сложных региональных процессов, происходивших в 1999-2001 гг. В этот период на первый план в Центральной Азии вышли проблемы обеспечения безопасности, которые резко изменили

---

¹⁹ Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М.: Объед. гуманитар. изд-во, 1998. – 429 с.

соотношение международных сил. Именно на это время приходится формирование основных направлений внешней политики России в регионе в период премьерства, а затем и президентства В.В. Путина.

Тяжелая ситуация в Афганистане, связанная с резким усилением «Талибана», активная деятельность «Аль-Каиды» и растущие угрозы со стороны исламистских группировок в ряде стран Центральной Азии привели к тому, что государства региона стали искать союзников против этих новых угроз. Однако США по ряду причин (скрытая поддержка "Талибана" в предшествовавший период, критика политических режимов региона за отсутствие демократии и несоблюдение прав человека) в качестве такого союзника не рассматривались. В результате начало резко расти геополитическое влияние России и Китая.

В разделе 4.5. **"Доктринальное и организационное упорядочение российской внешней политики в Центральной Азии и его пределы"** рассматриваются усилия руководства России по упорядочению региональной политики (принятие новых документов и формирование таких региональных организаций как ЕврАзЭС и ОДКБ). При этом отмечаются и пределы достигнутых успехов. Например, внешнеполитические документы так до сих пор и не определили четко долгосрочную центральноазиатскую стратегию России (интересы, цели, средства и т.п.). Экономическая интеграция в рамках ЕврАзЭС до сих пор находится в зачаточном состоянии. То же самое относится и к военно-политическому взаимодействию в рамках ОДКБ (достаточно упомянуть специфическую политику Узбекистана в рамках этой организации). Возникли некоторые проблемы, связанные с согласованием разных групп интересов России, реализующихся в деятельности СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС. Отсутствует единая идеология всех этих организаций, что напоминает противоречия в разных геополитических проектах США. Не устранены элементы "остаточности" из проектов реинтеграции постсоветского пространства. Сохраняется проблема согласования инициированных Россией

интеграционных структур с другими геополитическими векторами притяжения постсоветского пространства.

Один из этих векторов, в частности, анализируется в разделе 4.6. **"ШОС и попытки координации политики России с другими великими державами в Центральной Азии"**. Здесь отмечается наличие определенных противоречий в рамках ШОС, например, по поводу глубины экономической интеграции в рамках этой организации. Экономическое сотрудничество в рамках организации приносит наибольшую пользу именно Китаю, превращая других членов ШОС в "сырьевой придаток" КНР. Соответственно, именно Пекином экономическое сотрудничество в рамках ШОС (в реальности, это, в основном, двусторонние проекты) в наибольшей мере поддерживается. Указывается также на процесс скрытого создания под прикрытием ШОС и с фактическим использованием геополитического и идеологического влияния России в регионе новой структуры регионального порядка для Центральной Азии, характеризующейся ее геополитической переориентацией с центрированного на Россию постсоветского пространства на Китай и регион АТР. В этой связи отмечается высказанная А.Д.Богатуровым идея о фактическом формировании нового международного региона "Центрально-Восточной Азии".

В разделе 4.7. **"Россия и борьба с терроризмом в Центральной Азии (2001-2003 гг.)"** рассказывается об участии России в антитеррористической коалиции. Отмечаются сомнения ряда представителей российской политической элиты по поводу реальных целей американского военного присутствия в регионе. Указывается на новое снижение влияния России в регионе, последовавшее вслед за появлением там американских войск.

В разделе 4.8. **«Цветные революции» и новый этап центральноазиатской политики России (2003-2005 гг.)** анализируются последствия серии "цветных революций" для российско-американского геополитического соперничества. Автор приходит к выводу о наблюдавшейся в тот период "новой волне" влияния России, связанной с консолидацией вокруг нее и Китая центральноазиатских политических элит.

Раздел 4.9. посвящен политике России периода 2006 – 2010 гг. Здесь можно четко выделить смену ориентиров, связанную с глобальными политико-экономическими процессами. В начале рассматриваемого периода Россия проводила политику «энергетической сверхдержавы». Основное внимание в рамках продолжавшегося стратегического соперничества с Западом уделялось транспортно-энергетическим проектам (нереализованные проекты модернизации газопроводной системы "Средняя Азия – Центр" и строительства Прикаспийского газопровода). Однако с начала глобального экономического кризиса в 2008 г. ориентиры резко поменялись. После реализации китайских энерготранспортных проектов в отношении казахстанской нефти и туркменского газа Россия фактически потеряла стратегический контроль над транспортировкой углеводородных ресурсов из региона. При этом Газпром утратил возможность перенаправлять в своих интересах потоки туркменского газа. Единственной важной экономической "привязкой" Центральной Азии (особенно, Таджикистана и Кыргызстана) к России остались потоки трудовых мигрантов.

В разделе 4.11. **"Как могла бы выглядеть эффективная политика России в Центральной Азии на современном этапе развития"** сконцентрированы элементы экспертно-практической новизны, содержащиеся в рассматриваемой главе. Поэтому на данном разделе мы остановимся подробнее. В целом, практические рекомендации связаны с предложенным автором применением опыта других международных акторов, прежде всего, Китая и, в меньшей степени, ЕС. Рекомендации можно разделить на две группы: общие принципы и конкретные меры.

В плане общих принципов России, по образцу КНР, следует проводить в регионе прагматичную политику, основанную исключительно на собственных экономических интересах, а не на грандиозных и нереализуемых политико-идеологических проектах. Стратегия должна строиться таким образом, чтобы наша страна получала существенную часть выгод от стабильности и развития в регионе. В этом плане необходимо продолжение и даже активизация политики

по целенаправленному формированию в интересах России региональных структур (институтов, организаций, поддерживающих их идей и символов региональной идентичности).

Необходимо тесное сотрудничество с центральноазиатскими государствами по этим вопросам. Такое сотрудничество возможно в вопросах энергетики (включая не только углеводороды, но и гидроресурсы), транспорта, трудовой и образовательной миграции, развития торговли, культурно-информационного сотрудничества. Учитывая фактическую утрату российского стратегического контроля за потоками энергоносителей из региона в результате реализации китайских и иранских транспортных проектов, концентрация исключительно на углеводородах и, конкретнее, на газе, больше не актуальна.

Политика России в регионе, по образцу китайской, должна носить минимально конфронтационный характер по отношению к самим центральноазиатским государствам и ключевым мировым игрокам. Необходимо взаимовыгодное сотрудничество в борьбе с ключевыми угрозами региональной безопасности со всеми важными государствами, вовлеченными в регион, включая как их "первую лигу" (Китай, ЕС, США), так и "вторую лигу" (Турция, Иран, Пакистан, Израиль, арабские государства). Возможно, такой тип политики означает концептуальный сдвиг от политики новой "Большой игры" (тотальная конкуренция) к политике "квартета держав" или "кондоминиума" (сотрудничество по ключевым общезначимым проблемам при конкуренции по второстепенным вопросам). Это сотрудничество держав можно дополнить взаимодействием соответствующих международных организаций безопасности (ОДКБ, ШОС, НАТО, ОБСЕ), а также международных экономических организаций (ЕврАзЭС, ШОС, ЭКО, институциональных форм взаимодействия ЕС с регионом типа программ "соседства").

Налаживание эффективного сотрудничества со всеми игроками, как это делает Китай, имеет то дополнительное преимущество, что оно позволяет в определенных ситуациях "сталкивать" их интересы, оставаясь, в существенной

мере, "в стороне", и скрытно продвигая свои интересы путем усилий и материальных затрат других акторов. Именно такова реальная практика КНР по ряду наиболее острых проявлений российско-американского геополитического соперничества за регион.

Прагматизм по китайскому образцу означает концентрацию всех ресурсов на реализуемых проектах, отказ от не обеспеченных средствами планов сотрудничества с центральноазиатскими государствами. Необходима консолидация ключевых идей и связанных с ними организационных проектов, отвечающих интересам России. Это, прежде всего, идеи постсоветской интеграции (СНГ, ОДКБ), евразийской интеграции (ЕврАзЭС), интеграции в рамках ШОС. Этот вопрос является ключевым для продвижения "мягкой силы" России в регионе.

Все более актуальной становится задача поощрения и использования для усиления авторитета России трудовой (особенно, из Таджикистана, Киргизии, Узбекистана) и учебной (из всех пяти стран) миграции из стран Центральной Азии. Важным ресурсом региональной политики России остается также "мягкая сила", включая общую историю, язык, культуру. В этом плане необходимо и комплексное решение проблем миграции, особенно, трудовой.

Эффективная и прагматичная политика России в регионе не будет возможна и без реализации набора чисто технических мер в области выработки и реализации внешней политики. Эти меры могут разрабатываться на основе творческого использования опыта Китая и ЕС. Выделяются три группы соответствующих практических рекомендаций (они подробнее разработаны в Заключении работы): принятие формального стратегического документа по региону по образцу ЕС; построение содержания этого документа по образцу не ЕС, а Китая; выработка в РФ механизмов принятия консолидированных внешнеполитических стратегических решений по центральноазиатской проблематике.

Политика Запада в Центральной Азии исследуется в одноименной главе 5. В разделе 5.1. "Западная коалиция в Центральной Азии: участники,

интересы, дилеммы и проекты" анализируется общая проблема согласования интересов в рамках политик западных игроков разных типов, а также рассматриваются стратегические дилеммы, возникающие в результате попыток реализации интересов Запада в специфических условиях Центральной Азии.

В отличие от доминирующей в литературе традиции в данной работе рассматривается слабо исследованная проблема внутренних противоречий в стратегических целях западной коалиции в Центральной Азии и их слабая адаптированность к региональной структуре. В целом, в этом проявилась неспособность западных политических элит успешно найти способ работать в условиях культурно-цивилизационного своеобразия Центральной Азии. Причина этого хорошо известна. В отечественной, центральноазиатской, да и, собственно, западной литературе часто отмечается, что в регионе очень слабой оказалась возможность реализации предлагаемой Западом глобальной модели развития, связанной с одновременным становлением демократии, рыночной экономики и гражданского общества. Однако высокая степень ценностно-идеологической компоненты в политике стран Запада, проявляющаяся, в частности, в органической связи интересов и ценностей (что особенно хорошо видно на примере политики ЕС) не позволила отказаться от предлагаемой модели развития.

Новым в предложенном анализе является также его акторный аспект. Запад в Центральной Азии (как и исламский мир) – сложно устроенная коалиции "вестфальских" и "поствестфальских" акторов. Однако и исламскому миру и России нужно обратить внимание на умение западного мира, в основных чертах, согласовывать интересы разнообразных групп акторов в рамках коалиций (чего в исламском мире не наблюдается). На примере стран Запада также наблюдается парадокс, характерный для центральноазиатских политик ведущих глобальных акторов, в целом: огромная роль поствестфальских, негосударственных игроков, особенно, в сфере экономики (энергетические ТНК) и сфере культурно-символической (международные фонды и СМИ). Однако стратегические цели международной коалиции

формулируются в государственноцентрическом ключе, а проблема степени реальной возможности государств управлять негосударственными акторами не ставится.

В разделе 5.2. **"Этапы политики США в Центральной Азии"** рассматриваются этапы американской политики в постсоветской Центральной Азии (1991 – 2009), а также формулируется прогноз развития этой политики в связи с текущими событиями. При этом используются работы следующих авторов: Братерский М.В., Наумкин В.В., Трынков А.А., Глушенко Ю.Н., Самуйлов С.М., Сулейменов Т., Шилдс Дж., Лейк Э., Трынков А.А., Зиглер Ч.Э., Олкотт М.Б., Румер Е., Talbott S., Mackenzie R. и др.

Анализ стратегии США как лидирующего геополитического актора в западной коалиции особо выявляет внутреннюю противоречивость западной политики в регионе и нестабильность иерархии ее интересов (подраздел 5.2.Г. **"Комплекс интересов США в регионе: нестабильность их иерархии"**). Эта внутренняя противоречивость и нестабильность политики, связанная с противоречиями в региональной структуре, особенно четко видна на примере семи последовательно сменявших друг друга и последовательно "банкротившихся" геополитических проектов организации региональной структуры в Центральной Азии (они также рассматриваются в разделе 5.1.): укрепление национальной государственности стран Центральной Азии; «Тюркский мир» во главе с Турцией; Внутренняя интеграция в Центральной Азии (ЦАС – ЦАЭС – ОЦАС и проект «Центразбат»); «Шелковый путь» и связанные с ним идеи «альтернативной интеграции» на постсоветском пространстве (ГУУАМ); проект «Большого Ближнего Востока»; проект «Большой Центральной Азии»; рост евро-атлантического пространства на Восток и развертывание процесса "европеизации" сопредельных с ЕС территорий. Особое внимание к анализу этих проектов, истории их внедрения и последовательного краха имеет особое значение в связи с тем, что именно вокруг этих геополитических идей США последовательно сплачивали всю западную коалицию. Анализ неуспешности реализации этих проектов

демонстрирует всю сложность адаптации к специфической международно-региональной структуре Центральной Азии. Наконец, указанный анализ является результатом оригинального авторского подхода, так как проблематика смены геополитических идей в литературе обычно не поднимается, хотя отдельные проекты во многих работах и рассматриваются.

Анализ разных этапов истории развертывания политики США в Центральной Азии (5.2.А. "Политика США в первой половине 1990-х гг.: приоритет отдан отношениям с Россией", 5.2.Б. "От активизации политики США на постсоветском пространстве до терактов 2001 г.", 5.2.В. "Политика США после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне" и 5.2.Д. "Б. Обама, глобальный экономический кризис и перспективы региональной политики США") показывает также слабые практические результаты модели политики в Центральной Азии, построенной, преимущественно, на военно-политических средствах и преследовавшей геополитические цели. Актуальность такого анализа заключается в том, что Россия также, в основном, следовала этой модели. Критический анализ такого принципа построения центральноазиатской политики является новым для литературы.

По сравнению с российской политикой негативные черты такого подхода в центральноазиатской политике США выступают намного четче, примером чему является упомянутая выше постоянная смена геополитических "проектов". Исторический анализ выявляет момент "втягивания" США и России в геополитическое противостояние (середина 1990-х гг.), динамику соотношения влияния США и России по модели "геополитических качелей" (влияние России циклически уменьшается, США растет, а затем – наоборот) и плачевные результаты такого соперничества для обоих государств. Последние связаны с растратой ими ресурсов на соперничество в условиях, когда другие акторы, особенно Китай и ЕС, продолжали укреплять свои экономические позиции. Для США неуспешность центральноазиатской политики проявилась в том, что в последние годы (особенно, после "цветных революций") чисто американское влияние в регионе (в отличие от ЕС) стагнирует, а ресурсов для

его повышения остается все меньше. См. в этой связи особенно прогностический анализ в подразделе 5.2.Д.

Далее мы переходим к анализу центральноазиатской политики ЕС. При этом используются работы следующих авторов: Загорский А.В., Жильцов С.С., Ушков А.М., Болгова И.В., Пряхин В.П., Джекшенкулов А., Лаумулин М., Ибрашев Ж.У., Зонн И.С., Коплитерс Б., Шрёдер Х., Rahr A., MacFarlane S.N. и др.

В разделе 5.3. "Центральноазиатская политика единой Европы", в целом, отмечается, что региональная политика ЕС в специфической региональной среде сталкивалась с теми же проблемами, что и политика США. Это было связано с однотипными геополитическими подходами, со сходной системой ценностей. Однако при этом европейская политика, все же, была основана, в большей степени, чем американская, на экономических интересах и инструментах. В дополнение к этому ЕС, в отличие от других акторов, удалось в рамках формально принятой стратегии четко определить свои долгосрочные цели и выделяемые на их достижение средства.

В подразделе 5.3.А. "Расширение проекта единой Европы и центральноазиатская политика" можно выделить два ключевых момента. С одной стороны, анализируется сложный характер ЕС как коалиции государств и негосударственных акторов, между которыми налаживается успешное сетевое взаимодействие в ходе расширения ЕС и углубления интеграции в рамках этой надгосударственной структуры. Из этого в дальнейшем логически вытекает рекомендация для политики России использовать сходные методы для углубления взаимодействия внутренних игроков разного типа в ходе внешнеполитического процесса. С другой стороны, политика ЕС в Центральной Азии анализируется с точки зрения политики "европеизации" сопредельных с Европой пространств и распространения на них "европейских стандартов".

В подразделе 5.3.Б. "Интересы единой Европы в Центральной Азии" подчеркивается, в частности, особенно большая роль ценностно-

идеологического элемента (ценности демократии, прав человека и т.д.), в формулировке интересов единой Европы. Анализ дилеммы "интересы-ценности" в европейской политике является традиционным для западной литературы, однако его связь с противоречиями международно-региональной структуры в Центральной Азии была исследована слабо. В подразделе анализируются также специфические экономические элементы стратегии ЕС в регионе.

В подразделе 5.3.В. **"Стратегические документы, определяющие политику ЕС в Центральной Азии"** большое внимание обращается на анализ центральноазиатской стратегии ЕС и других стратегических документов. Из этого впоследствии логически вытекает рекомендация для политики России выработать документы такого же типа, хотя и с несколько отличным содержанием. В подразделе содержится и анализ практических недостатков стратегии ЕС в ее отношении к специфической культурно-цивилизационной среде региона.

В подразделе 5.3.Г. **"Перспективы политики ЕС в Центральной Азии"** в рамках прогностического анализа рассматриваются определенные перспективы политики ЕС в регионе, связанные, например, с продолжающимся ростом экономического влияния и все усиливающимся процессом "европеизации" прилегающих к Европе пространств, в частности, в рамках программ "соседства". В этом плане политика ЕС (несмотря на связанную с ее идеологизацией острую противоречий по линии "интересы-ценности") демонстрирует определенные элементы успешности, а, следовательно, может служить ориентиром и для других ключевых акторов мировой политики.

В главе 6. **"Центральноазиатская политика стран Азии"** анализируются центральноазиатские политики государств исламской исторической традиции, стран АТР и, особенно, региональная стратегия Китая.

В разделе 6.1. **"Центральноазиатские политики государств исламской исторической традиции: общность и конфликт"** на основе анализа работ ряда авторов (Братерский М.В., Москаленко В.Н., Бардин М.Г., Алексеев А.Е.,

Ушаков В.А., Юлдашева Г.И., Алиев А., Арабаджян А., Коэн А., Herzig E., Brumberg D., Maqbool A.B., Gottemoeller R. и др.) отмечается, что на примере исламского мира особенно хорошо видны три тенденции. Во-первых, государства исламской исторической традиции (особенно Турция и Иран) в отношениях с Центральной Азией очень охотно используют символично-идентификационные инструменты (историко-культурное "родство" и т.д.). Однако им явно не хватает военных и экономических ресурсов. Турция и Иран показали стагнацию или даже снижение влияния после очень активного старта в начале 1990-х гг. Причина была в том, что активное использование символических ресурсов не было подкреплено материальными.

Во-вторых, это особая роль поствестфальских игроков: террористических сетей и исламских фондов. Как мы отмечали в случае Турции, на «низовом» уровне использование представителями стран мусульманской традиции исламской идентичности в Центральной Азии выше, чем на «верхнем». Это относится, практически, ко всем странам исламского мира. Общественное мнение в этом мире весьма скептически относится к собственным государствам как к не могущим обеспечить единства исламской уммы (т.е. совокупности верующих) и не находящим эффективного «мусульманского ответа» на вызовы современности. Большая роль единства мусульманского мира "поверх" государственных границ привела к высокой роли негосударственных, поствестфальских исламских акторов в Центральной Азии.

В-третьих, в рамках анализа деятельности акторов исламского мира в Центральной Азии особенно хорошо видна тенденция к ситуативности и внутренней противоречивости коалиций. Последнее определяется спецификой международно-региональной структуры Центральной Азии. Это связано также с особенно большой противоречивостью применяемых акторами геополитических и геоэкономических моделей, внутренней несогласованностью разных групп их интересов и отсутствием четкой иерархии этих интересов. Например, Турция в плане экономики активно взаимодействует с восточноисламскими (но не арабскими) странами в рамках

ЭКО. Одновременно в рамках проектов "альтернативной" транспортировки ресурсов (ТРАСЕКА и т.д.) она выступает частью западного мира. В плане геополитики, особенно, в рамках "тюркского проекта" и планов расширения сферы ответственности НАТО, Турция – союзница США и европейских государств НАТО. Однако в рамках "тюркского проекта" одновременно присутствуют и евразийские идеи (что потенциально сближает Турцию с Россией) и исламские идеи (что демонстрирует роль Турции как части исламского мира).

В разделе 6.2. "Общее и особенное в центральноазиатских политиках стран АТР" в сопоставлении с политикой Китая анализируются центральноазиатские политики Японии, Южной Кореи и Индии. При этом используются работы следующих авторов: Резникова О.Б., Cohen S.P., Hass R.N., Halperin M.H., Anand V., Sakhuja V., Shrivastava V.K., Mathur K.D. и др.

В разделе отмечается тенденция к неустойчивости коалиций, связанная со специфической региональной структурой Центральной Азии. Так, Япония и Южная Корея в области геоэкономики охотно сотрудничают с Китаем. Однако в плане геополитики они – члены западной коалиции. Индия может рассматриваться в регионе как изолированный игрок, политика которого сталкивается с особенно тяжелыми политическими проблемами (связанными со стратегическим соперничеством с Пакистаном) и дилеммами (например, сотрудничать, преимущественно, с Россией или с США).

В разделе 6.3. "Китай – наиболее перспективный игрок в регионе" анализируется центральноазиатская политика КНР и те уроки, которые Россия может извлечь из нее. В своем анализе автор опирается на работы следующих исследователей: Лузянин С.Г., Богатуров А.Д., Воскресенский А.Д., Васильев Л.С., Лукин А.В., Лунев С.И., Резникова О.Б., Грозин А.В., Хлюпин В.Н., Хафизова К., Чжан Вэнью, Шэнь Фану, Син Гуанчэн, Oresman M., Burles M., Gill B., Нуман А., Munro R.H., Dorian J.P. и др.

Анализ политики Китая в Центральной Азии в контексте общей политики КНР в "развивающемся мире" как образца экономической эффективности

широко распространен в современной мировой политологии. Однако новизна постановки вопроса в представляемом разделе нашего диссертационного исследования заключается в том, что дается ответ на вопросы "на какие вызовы со стороны региональной структуры Китай дает эффективные ответы" и "что может позаимствовать Россия из китайского опыта". Мы утверждаем, что именно в случае Китая, а не ЕС была продемонстрирована наибольшая эффективность региональной стратегии, основанной, преимущественно, на экономических интересах и методах.

Китай на протяжении истории постсоветской Центральной Азии сталкивался с теми же проблемами с реализацией своих интересов в регионе, вызванными внутренней противоречивостью его структуры, что и все другие ключевые акторы мировой политики (это проанализировано в подразделах **6.3.А. «Китайский проект» для Центральной Азии: достоинства и недостатки**" и **6.3.Г. "Общий характер и дилеммы центральноазиатской политики КНР"**). Ответ на эти вызовы был найден на путях преимущественного использования экономических инструментов и путем разворачивания логики эффективного сотрудничества со всеми заинтересованными региональными и внерегиональными акторами. При этом Китай проявлял большую осмотрительность и строил свою политику очень постепенно и осторожно. Этапы этого последовательного развертывания эффективной политики проанализированы в подразделах **6.3.Б. "Центральноазиатская политика Китая в 1990-е гг.: в поисках стабильности"**, **6.3.В. "Китай и Центральная Азия в 2000-е гг.: становление нового ключевого игрока"** и **6.3.Д. "Долгосрочная перспектива: новый региональный гегемон?"**. В рамках этой политики начав в 1990-х гг. с решения приграничных вопросов, вызывавших наибольшее недоверие к Китаю со стороны государств региона, а затем, развив сотрудничество в рамках ШОС, КНР в настоящее время постепенно вытесняет влияние России. Пример – недавнее уничтожение российской монополии на транспортировку туркменского газа и перевод конкуренции за этот ресурс в

чисто ценовую плоскость. Последнее уже сделало нерентабельной для Газпрома фактическую перепродажу туркменского газа на европейском рынке.

В разделе проанализированы принципы китайской политики в регионе, обеспечивающие ее эффективность. На этом анализе основана рекомендация, что Россия должна в поисках путей адаптации своей политики к условиям Центральной Азии особенно опираться на опыт Китая как наиболее успешного игрока.

Китай на экономической основе четко определяет свои региональные интересы. КНР, в отличие от России 1990-х гг., не ставит нереальных задач, вроде полной интеграции постсоветских республик. Постановка таких задач, ориентированных на прошлое, мешала Москве сосредоточиться на проблемах настоящего. КНР последовательно и быстро реализует свои задачи и соответствующие соглашения (пример – стремительная реализация энерготранспортных проектов), чем вызывает к себе все растущее доверие государств региона. В свою очередь, Россия в 2000-х гг. так и не смогла реализовать согласованные энерготранспортные проекты вроде реконструкции системы "Средняя Азия – Центр" и строительства Прикаспийского газопровода.

В отличие от западных стран Китай не включается в идейно-ценностную конфронтацию, в противоположность исламскому миру не навязывает Центральной Азии свою культуру. В отличие от США и России Китай не вступает ни с кем в декларативное и экономически затратное геополитическое соперничество, а эффективно взаимодействует со всеми внутрирегиональными и внерегиональными игроками в сферах экономики и безопасности.

Так, Китай в реализации своих экономических интересов успешно сотрудничает с другими азиатскими государствами (Япония, Южная Корея). При этом целью является направить вектор развития центральноазиатской геоэкономики и геополитики в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Пекин работает вместе с ЕС в рамках проекта восстановления "Великого

шелкового пути". Наконец, Пекин наладил эффективное двухстороннее взаимодействие с такими исламскими государствами как Пакистан и Иран.

В сфере безопасности Китай наладил сотрудничество в рамках ШОС, которое позволяет ему решать как внутренние проблемы, так и проблемы стабильности в сопредельной Центральной Азии с привлечением военно-политических и идейно-символических ресурсов России. Однако реализуемые проекты экономического сотрудничества в рамках ШОС преимущественно китайские, а планы их углубления могут привести к доминированию Китая не только в центральноазиатской, но и в российской экономике. При этом, взаимодействуя с Россией в рамках ШОС, КНР сумела, в существенной мере, дистанцироваться от геополитического соперничества с Западом в Центральной Азии, выставляя основной его стороной РФ. Соответственно, издержки такого соперничества несет Москва, а не Пекин. Однако не следует считать, что здесь имеет место "злой умысел" по "вытеснению" России (такая упрощенная точка зрения зачастую высказывается в отечественной публицистике), так как политика Пекина не конфронтационна. Китай просто заботится о своих интересах, а применяемая им логика прагматического взаимовыгодного сотрудничества ("игры с положительной суммой") заключается в том, чтобы от взаимодействия что-то получали все. Поэтому если Россия будет в большей мере следовать его примеру (т.е. больше заботиться о практических и экономических аспектах политики), то это позволит более эффективно сотрудничать с КНР, в том числе, в рамках ШОС.

В **Заключении** излагаются основные выводы, имеющие аспекты теоретической и практической значимости, оценивается их новизна. Вывод первый касается специфики региональной структуры в ее взаимосвязи с глобальными факторами. Вывод второй посвящен причинам противоречий на двух разных уровнях региональной структуры, символично-идентификационном и институциональном. Вывод третий касается взаимодействия противоречий на двух разных уровнях региональной структуры, субъективном и объективном. Четвертый вывод связан с

негативным влиянием противоречивости институциональных и символично-идентификационных структур на политические процессы в регионе. Пятый вывод получен в результате сопоставления теоретической модели протекания политических процессов в ситуации "неработающего рынка" с реальными политиками ключевых акторов мировой политики в регионе. Шестой вывод касается эффективности политик ключевых вовлеченных в регион глобальных акторов, сопоставления планов, затраченных средств и результатов. Седьмой вывод касается рекомендаций, направленных на совершенствование политики России в регионе.

Заключение состоит из двух подразделов. В первом из них (**"Уточненная модель новой "Большой игры": взаимосвязь глобальных и региональных факторов"**) концентрируется анализ результатов исследования, имеющих теоретические аспекты. В этом разделе приводится уточненная и модифицированная автором модель новой "Большой игры", включающая в себя ряд дополнительных факторов по сравнению с распространенной в литературе теорией. В этом подразделе также перечисляются отмеченные в основном тексте ключевые тенденции политического развития региона, многие из которых являются парадоксальными с точки зрения нормативных теорий международных отношений и объяснимы лишь в рамках предлагаемой автором социологической модели, что и обосновывает необходимость ее дальнейшего применения.

Во второй части заключения (**"Вопросы адаптации политики России к условиям Центральной Азии"**) сконцентрированы практические выводы из работы. Они логическим образом связаны с предшествующим теоретическим анализом, так как именно выделение ключевых аспектов региональной специфики и изучение способов адаптации других международных акторов к ней позволяет выделить наиболее оптимальные методы построения региональной политики. В этом реализуется общая направленность исследования на синтез теории и практики за счет преодоления разрывов между глобальными (так называемыми "нормативными") объяснительными

теориями и экспертным пониманием ситуации в регионе. Практические выводы можно разделить на две части: *общие принципы политики* и основанные на них *практические рекомендации*.

Общие принципы ориентированы на выработку *прагматичной политики* России по отношению к региону. Они в наибольшей степени основаны на опыте КНР, а также опираются на отдельные моменты в политике ЕС. Ориентация на опыт КНР имеет, в том числе, то дополнительное преимущество, что оно позволит повысить эффективность взаимодействия в рамках ШОС и стратегического партнерства РФ с Китаем. Ориентация на опыт ЕС позволит избегать излишнего геополитического соперничества с единой Европой на постсоветском пространстве. Одновременно, повышение эффективности региональной политики РФ позволит в мягкой форме противодействовать продолжающемуся росту влияния Китая и ЕС в ущерб национальным интересам России.

Необходимость совершенствования политики России в указанном направлении мотивируется тем, что, в целом, несмотря на наличие отдельных позитивных периодов и эффективных ситуативных решений (особенно после 2000 г.), **результаты политики России в постсоветской Центральной Азии с точки зрения наших национальных интересов следует оценить как неудовлетворительные.** Достигнутая к 1991 г. высокая степень экономической, политической и культурной интеграции потеряна практически необратимо. Регион превратился в постоянный источник комплексных угроз безопасности для нашей страны. В случае реализации наиболее негативного сценария в перспективе порядка 10-20 лет Россия может даже перестать быть ключевым региональным игроком, полностью уступив свою роль и все свои традиционные ресурсы влияния Китаю.

Общие принципы политики можно свести к следующему. России, по образцу КНР, следует проводить в регионе прагматичную политику, основанную исключительно на собственных экономических интересах, а не на грандиозных и нереализуемых политико-идеологических проектах. Возможно,

такой тип политики означает концептуальный сдвиг от политики новой "Большой игры" (тотальная конкуренция) к политике "квартета держав" или "кондоминиума" (сотрудничество по ключевым общезначимым проблемам при конкуренции по второстепенным вопросам). Это сотрудничество держав можно дополнить сотрудничеством по ключевым вопросам обеспечения стабильности и развития международных организаций, которые поддерживают соответствующие государства.

Предложенный прагматический подход конкретизируется в виде трех конкретных рекомендаций.

1. *Поскольку прагматический стратегический консенсус по поводу Центральной Азии среди всех участников внешнеполитического процесса в России не выработался закрытым неформальным путем, как это имело место в Китае, актуальным становится принятие открытого формального документа. По образцу политики ЕС необходима разработка долгосрочной региональной стратегии, формулирующей иерархию целей и выделяющую для этого соответствующие экономические ресурсы. Стратегия должна включать в себя иерархию долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных задач. Она также должна носить комплексный и взаимоувязанный характер, учитывая проблемы экономики, безопасности, культурного сотрудничества, миграции, а также ключевые проблемы двухсторонних и многосторонних отношений. Актуальность принятия такой стратегии повышается в связи с тем обстоятельством, что Россия в 2009-2010 гг. утратила стратегический контроль над транспортировкой центральноазиатского газа, что требует пересмотра ключевых геоэкономических ориентиров. Определение долгосрочных намерений также повысит доверие к России со стороны центральноазиатских стран и увеличит предсказуемость ситуации для других глобальных игроков. Последнее может обеспечить более эффективное взаимодействие со всеми ними. Наконец, даже сама работа над реализацией такой стратегии (при всех объективных сложностях ее выработки) может помочь формированию стратегического консенсуса внутри страны.*

2. По содержанию стратегия должна в наибольшей мере соответствовать политике не ЕС (в ней слишком много идеологических моментов, связанных с распространением европейских ценностей), а Китая, как наиболее прагматичной и экономически ориентированной. КНР реализует очень эффективную стандартную политику по отношению ко всем развивающимся странам. К числу основных принципов построения стратегии в соответствии с опытом политики Китая должны относиться: долгосрочность, последовательность, четкое определение интересов на основе экономических расчетов, упорство в их реализации, отказ от излишне масштабных и экономически необоснованных проектов и идей. Кроме того, Китай в рамках ШОС является основным партнером России, и большая схожесть политик повысит эффективность взаимодействия в рамках этой организации. Пока же основным источником экономических инвестиций в рамках ШОС являются двухсторонние проекты Китая, зачастую, достаточно искусственно привязанные к этой организации.

3. Не менее важна выработка механизмов принятия консолидированных внешнеполитических стратегических решений по региону, включающих в себя консультации со всеми заинтересованными российскими министерствами и ведомствами, поддерживаемыми Россией региональными организациями, бизнесом, экспертами, СМИ, НГО, диаспоральными группами интересов. Именно такая выработка механизмов начнет происходить в том случае, если будет запущен процесс формирования стратегии России в Центральной Азии как формального документа. Все это может облегчить концентрацию становящихся все более дефицитными ресурсов на действительно важных направлениях и проработать хотя бы элементы последовательной и отвечающей реалиям региона политики. Здесь можно вновь вернуться к опыту ЕС, где удается координировать интересы и подходы большого количества участников внешнеполитического процесса. Опыт Китая, где функции неформальной координации осуществляет партийный аппарат, в условиях постсоветской России нереализуем.

В первом и втором **Приложениях** приведен список источников и литературы, а также описываются принципы написания географических названий и имен. В **третьем Приложении** на основании проведенного в основном тексте диссертации анализа сформулирован прогноз долгосрочной эволюции ситуации в международном регионе в перспективе до 2020 г., что выходит за временные рамки затрагиваемой темы, но является чрезвычайно актуальным для практики.

III. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Монографии

1. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. — М.: Издательство МГИМО, 2008. (2 изд. – "Наследие Евразии", 2008) (16 п.л.)
2. Казанцев А.А. Политика стран Запада в Центральной Азии: проекты, дилеммы, противоречия. — М.: Издательство МГИМО, 2009. (8 п.л.)
3. Казанцев А.А. Расширение проблематики безопасности в политике России: секьюритизация, биополитика и новые административные практики. — М.: Проспект, 2010. (9 п.л.)

Статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК России

4. Казанцев А.А. Тирания, диктатура: когнитивная схема и историческая судьба политических понятий // Политические исследования (Полис). — 2001. — № 5. (0.8 п.л.)
5. Казанцев А.А. Политическая наука: проблема методологической рефлексии // Политические исследования (Полис). — 2001. — №6. (0.5 п.л.)
6. Казанцев А.А. “Ваххабизм”: опыт когнитивного анализа институтов в ситуации социокультурного кризиса // Политические исследования (Полис). — 2002. — № 5. (0.9 п.л.)
7. Казанцев А.А. О когнитивно-неоинституциональном подходе к изучению международных отношений // Политические исследования (Полис). — 2003. — № 1. (0.8 п.л.)
8. Казанцев А.А. Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе // Политические исследования (Полис). — 2005. — №2. (1 п.л.)
9. Казанцев А.А. Три сценария “цветной” революции в России (Моделирование сетевой динамики российской политики) // Политические исследования (Полис). — 2006. — № 1. (1 п.л.)

10. Казанцев А.А. Школы и секты в политической мысли современной России (Заметки на полях сборника “Мыслящая Россия”) // Политические исследования (Полис). — 2006. — № 6. (0.4 п.л.).

11. Казанцев А.А. Современная Россия: муки рождения политологии из политической мысли. Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. Под ред. В.Куренного. М., 2006. Рецензия // Полития. — 2006 — № 2. (0.2 п.л.)

12. Казанцев А.А. Интеллигенция и структурные инновации в политическом пространстве (Опыт сравнительного анализа) // Политические исследования (Полис). — 2007. — № 1. (1 п.л.)

13. Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология “глобальных ворот” // Политические исследования (Полис). — 2007. — № 2. (0.8/0.4 п.л.)

14. Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А. Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей// Политические исследования (Полис). — 2007. — № 2. (0.8/0.2 п.л.)

15. Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А. и др. “Хора” московских “ворот” и сценарии ее развития // Политические исследования (Полис). — 2007. — № 2. (1/0.05п.л.)

16. Казанцев А.А. Нации и национализмы на развалинах советской империи: возможности внешних сопоставлений // Логос. — 2007. — № 1. (1 п.л.)

17. Казанцев А.А. Политическая глобалистика: конфликт интерпретаций и пути его преодоления // Полития. — 2008. — №2. (0.9 п.л.)

18. Сергеев В.М., Казанцев А.А. Структуры мирового порядка: историческая типология // Космополис. — весна 2008. — №1(20). (0.8/0.4 п.л.)

19. Казанцев А.А. Дилеммы энергетической политики России в Центральной Азии // Экономическая политика. — 2008. — № 4. (0.8 п.л.)

20. Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. — 2008. — № 2. (1/0.5 п.л.)

21. Казанцев А.А. Энергетическая политика России в Центральной Азии: характер и перспективы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК POLITEK. — 2008. — Т. 4. — № 3. (0.3 п.л.)

22. Kazantsev A. Russian Policy in Central Asia and Caspian Sea Region (2000 – 2008) // Europe-Asia studies. — 2008. — №6. — August. — vol.20. (1,2 п.л.)

23. Казанцев А.А. "Конструктивистская революция" или о роли культурно-цивилизационных факторов в современной теории международных отношений // Политическая наука. — 2009. — № 4. (1 п.л.)

24. Казанцев А.А. "Центральная Азия: история и локальные закономерности развития политических систем". Рецензия на книгу: Руа О. The New Central Asia: Geopolitics and the Birth of Nations// Политическая наука. — 2010. — № 1. (0.2 п.л.)

25. Казанцев А.А. "Грамматика русской идеи" или как создавать новые идеологии в России // Полис. — 2010. — № 3 (0.5 п.л.)

Коллективные монографии и сборники работ

26. Беспалов С.В., Власов А.В., Голубцов П.В., Казанцев А.А., Караваев А.В., Меркушев В.Н. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. Под ред. В.Н.

Меркушева. — М.: Евразийская сеть политических исследований, ИАЦ МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, 2007, 2 изд. 2008. (5.5 /0.9 п.л.)

27. Strategic Partnership Russia—EU: Principles and Prospects. Edited by A. Nikitin, A. Kazantsev. — Moscow: MGIMO Publishing House, 2006. (5/0.9 п.л.)

28. International Security Organizations in Eurasia: Rivalry and Cooperation, Edited by A. Nikitin, A. Kazantsev. — Moscow, MGIMO Publishing House, 2009. (5.5/1 п.л.)

Брошюры

29. Казанцев А.А. Перспективы развития гидроэнергетического и углеводородного секторов экономик центральноазиатских государств. Некоторые последствия для политики России // Аналитические записки НКСМИ МГИМО. — Апрель 2008. — Выпуск 2(31). (1,8 п.л.)

30. Kazantsev A. Russian policy in Central Asia in 1991 - 2010: A disappearing power? // European university institute Working Paper. Robert Schuman Center for Advanced Studies 2010/59. — Florence, 2010. (3 п.л.)

Прочие публикации

31. Казанцев А.А. Центральная Азия: от логики «Большой игры» к логике взаимодействия// «Новая Россия»: проблемы теории и методологии политических исследований. — М.: Изд. РГГУ, 2000. (0.1 п.л.)

32. Никитин А.И., Казанцев А.А. Угрозы и вызовы безопасности государств-участников СНГ// «Мир и согласие». — 2005. — № 4 (25). (0.7 п.л.)

33. Казанцев А.А. Перспективы развития энергетического сектора в странах Центральной Азии// Большая игра. — 2007 — № 5. (1 п.л.)

34. Туркменбаши: итоги правления// Политический журнал. — № 1-2 (144-145). — 22 января 2007. (0.6 п.л.)

35. Дилеммы и противоречия энергетической политики России в Центральной Азии или диалектика «мух» и «котлет»// Большая игра. — 2008. — № 2. (1 п.л.)

36. Казанцев А.А. «Большая игра» в Центральной Азии: вчера, сегодня, завтра //«Неприкосновенный запас». — 2009. — №4(66). (1 п.л.)

37. Kazantsev A. Vladimir Putin's Central Asian Policy: in Search for Security and Influence // Russian Analytical Digest. — 4 March 2008. — № 36. (0.4 п.л.)

38. Kazantsev A. The Crisis of Gazprom as the Crisis of Russia's "Energy Super-State" Policy towards Europe and the Former Soviet Union // Caucasian review of international affairs. — Summer 2010. — Vol. 4 (3). (1 п.л.)

Тираж 100 экз. Заказ № 347.

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
И множительной техники МГИМО(У) МИД России
117218, Москва. Ул. Новочеремушкинская, 26